

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

THE NATIONAL CHARACTER OF RUSSIAN CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.1

Original article

АЗАРОВ Владимир Александрович
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия,
kafprokrim@mail.ru

AZAROV Vladimir Alexandrovich
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ – ГЛАВНЫЙ ТРЕНД УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

RETURNING TO THE ORIGINS: A KEY TREND IN STRENGTHENING THE NATIONAL
IDENTITY OF RUSSIA'S CRIMINAL PROCESS

Аннотация. Национальная идентичность российского уголовного процесса напрямую связана с мощными усилиями руководства нашей страны по воссозданию ее суверенитета во всех сферах жизнедеятельности. В концентрированном виде эти усилия обращены к историческим ментальным, духовным, нравственным смыслам, а также геополитическим обретениям, многие из которых были утрачены за последние три с лишним десятилетия. Острую потребность в утверждении национальной идентичности испытывает и сфера деятельности органов уголовной юстиции. Цель: ретроспективно исследовать главные сегменты отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики, исторически формировавшие стратегию их развития на протяжении многих десятилетий, достать из забвения и поставить на службу в качестве инструментов укрепления государственно-правовых основ России апробированные традиционные подходы. Методы: формальной и диалектической логики, позволившие отследить закономерности становления идейно-нравственного содержания нашего уголовно-процессуального законодательства; сравнения и описания, открывшие возможности сопоставления и характеристики ключевых правовых институтов, составляющих суть национальной идентичности российского уголовного

Abstract. The national identity of Russia's criminal process is directly linked to the powerful efforts of our country's leadership to recreate its sovereignty in all spheres of life. These concentrated efforts focus on historical mental, spiritual, and moral values, alongside geopolitical gains, many of which were lost over the past three decades and more. The sphere of activity of criminal justice bodies also experiences an acute need for the assertion of national identity. Purpose: To retrospectively examine the main segments of national criminal procedure legislation and practice that historically shaped their development strategy over many decades, to retrieve proven traditional approaches from oblivion and employ them as tools for strengthening Russia's state law foundations. Methods: formal and dialectical logic, which allowed for tracing the patterns of the formation of the ideological and moral content of our criminal procedure legislation; comparison and description, which opened up possibilities for comparing and characterizing the key legal institutions that constitute the essence of the national identity of Russia's criminal process; historical and interpretation of legal norms, used to draw conclusions about the inseparable connection between the psychotype of the Russian population and the paternalistic content of specific institutions,

процесса; исторический и толкования правовых норм, использовавшиеся для получения выводов о неразрывности связи психотипа российского народонаселения и патерналистского содержания конкретных институтов, утверждающих историческую форму смешанного уголовного процесса России. Результаты: выявлены ошибочные решения, воплощенные в Концепции судебной реформы в Российской Федерации и УПК РФ, исказившие суть отечественного уголовного процесса. С опорой на законодательные и доктринальные наработки патриотически ориентированных отечественных юристов предложены конкретные варианты устранения допущенных в угоду либеральным ценностям перекосы и ошибки в таких направлениях укрепления национальной идентичности уголовного судопроизводства, как его идеология и целеполагание, принципы и системообразующая роль в ней публичности, основы доказательственной деятельности участников производства по уголовному делу.

Ключевые слова: идеология и целеполагание, система принципов, публичность, доказательства и доказывание, внутреннее убеждение судьи

Для цитирования: Азаров В.А. Возвращение к истокам – главный тренд укрепления национальной идентичности уголовного процесса России / В.А. Азаров. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 8–17.

which affirm the historical form of Russia's mixed criminal process. Results: The study reveals flawed decisions, implemented in the Concept of Judicial Reform in the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which fundamentally distorted the nature of the national criminal process. Drawing upon the legislative and doctrinal achievements of patriotic national legal scholars, the article presents concrete proposals to rectify the imbalances and mistakes introduced in favor of liberal values. These proposals address key areas for strengthening the national identity of criminal justice, including its ideology and objectives, principles, the system-forming role of publicity, and the foundations of evidentiary activity for participants in criminal proceedings.

Keywords: ideology and objective setting, system of principles, publicity, evidence and proof, judge's belief

For citation: Azarov V.A. Returning to the Origins: A Key Trend in Strengthening the National Identity of Russia's Criminal Process. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 8–17. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.1.

ВВЕДЕНИЕ

Откликаясь на приглашение принять участие в обсуждении проблемы национальной идентичности российского уголовного права и процесса, нельзя не отметить глубокое понимание редакционным советом журнала «Правовое государство: теория и практика» и его главным редактором, И.А. Гизатуллиным, наиболее острых аспектов современного этапа функционирования системы уголовной юстиции России. Подтверждением этому является и главная тема первого номера журнала за 2025 г. – «Баланс публичного и частного начал в уголовном процессе». Две упомянутые проблемы – ключевые при определении как направлений, так и основного вектора совершенствования уголовно-процессуального законодательства и одноименной практики. К тому же они жестко увязаны между собой, поскольку именно здесь формируются элементы стратегии уголовно-процессуальной политики государства. Неслучайно в этой

связи в полученном мной приглашении абсолютно точно перечислены «реперные точки», дающие ориентиры для правильного понимания существа национальной идентичности отечественного уголовного права и процесса, сформировавшей уникальный исторический облик нашей правовой системы. Речь идет, конечно же, о системе принципов, пригодности отдельных норм и институтов для их реализации в сегодняшней России, исторических традициях российского правосудия и правоохранительной системы, их способности адекватно реагировать на современные вызовы в научно-технической, социально-экономической, геополитической сферах.

К перечню главных сегментов стратегии уголовно-процессуальной политики следовало бы добавить основы идеологии, адекватное целеполагание, их гармонизацию с исторической инфраструктурой уголовного судопроизводства и воссоздание во многом поколебленных за последние 25 лет классических канонов доказательственной деятель-

ности участников производства по уголовному делу, являющейся центральной темой их самореализации, деформированной в угоду «теоретическим воззрениям» разработчиков УПК РФ.

Предваряя конкретные аргументы и предложения, подтверждающие правильность оценки, вынесенной в название этой публикации, обратим внимание читателя на следующие обстоятельства.

Первое: в геополитическом поле происходят тектонические изменения, серьезно затрагивающие жизненные интересы страны – безопасность России и ее граждан. Противостояние нашего Отечества с так называемым коллективным Западом приобрело особенно острый, а точнее – экзистенциальный характер.

Второе: руководство страны осознает серьезность современных вызовов, на что указывают конкретные шаги в экономической, военной, социальной, духовно-нравственной областях жизнедеятельности общества и государства.

Третье, пожалуй, главное: на самом высоком уровне определена стратегия сохранения и упрочения национальной идентичности нашего государства. Если судить по изменениям внутренней политики, корректировке содержания ключевых федеральных законов, включая Конституцию РФ, то это *возвращение к геополитическим, историческим истокам и традиционным для нашей страны духовным, нравственным, социальным и семейным ценностям.*

Именно с учетом этих обстоятельств выбрано название настоящей статьи и, надеемся, будут убедительными доводы, приведенные в его обоснование.

ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Прежде чем конструировать конкретную систему целеполагания в российском уголовном процессе, надлежит определить ее идеологический фундамент. Здесь сразу же приходит на ум официально оформленная в государственной программе реформирования правотворчества и правоприменения России идея о крайней необходимости и «деидеологизации отечественной уголовной юстиции». Речь идет о Концепции судебной реформы в Российской Федерации¹.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 18–19.

На самом же деле вместо объявленной авторами «деидеологизации сферы уголовной юстиции» и соответствующего законодательства с принятием УПК РФ произошла «тихая», но откровенная и циничная замена идеологии. Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности, задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей. Взамен УПК РФ предложил совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы, ведущие уголовный процесс [1, с. 51–52]. Разработчики этой программы взяли на вооружение идеологические установки, доминирующие как в сознании западных юристов, так и в законодательстве этих стран.

Подробный анализ содержания и результатов работы «по деидеологизации сферы уголовной юстиции» проводился нами достаточно обстоятельно [2; 3].

Лейтмотив, послуживший катализатором «деидеологизации» отечественного уголовного процесса, четко представлен в суждении профессора П.А. Лупинской. По ее мнению, «новый УПК есть путь к цивилизованному уголовному процессу, который вписывает Россию в общеевропейский процесс охраны прав и свобод граждан» [4, с. 103].

При этом следует помнить, что, по оценкам отдельных российских юристов, «права и свободы человека и гражданина» – большой блеф XX века, свидетельством чего является официальный выход современной России из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека и денонсация соответствующих международных договоров.

Но если в начале «лихих девяностых» руководство страны и обслуживающая его «интеллектуальная элита», реализуя неочевидное для большинства населения страны стремление «влиться в семью цивилизованных народов», безоговорочно приняли предложенные нашими «партнерами» ценности, то по прошествии тридцати с лишним лет на государственном уровне наступило прозрение и переосмысление, приведшее к пониманию неприемлемости навязанных нам подходов к формированию системы приоритетов как социальной, так и государственной, в том числе уголовно-процессуальной, политики.

Автора этой статьи можно было бы упрекнуть в отходе от предмета исследования, если

бы его суждения не имели прямого отношения к конструированию системы приоритетов целеполагания в уголовном процессе. Дело в том, что, по абсолютно правильным оценкам профессора Л.В. Головки, «любая уголовно-процессуальная система обязана сегодня обеспечивать идеологические ценности современного общества» [5, с. 182]. Если же с учетом горького опыта истекших десятилетий, приведшего к переосмыслению (как руководством, так и населением России) целесообразности «вступления в семью цивилизованных народов», посмотреть на сегодняшнюю шкалу социальных и иных ценностей, то становится очевидной диаметрально противоположность российских ментальных, духовных, нравственных исторических и предлагаемых нам извне смыслов.

В связи с этим исключительно убедителен в своих оценках В.В. Дорошков, который заявил: «В антропоцентристском мировоззрении, распространенном на Западе, основное внимание акцентируется на индивидуализме каждой личности, его (правильнее сказать, её. – В. А.) правах и свободах, человек со своими правами становится в центр вселенной. Однако в странах Востока, ориентированных в первую очередь на интересы общества, всегда преобладало социоцентристское мировоззрение, которое строилось на приоритете общественных интересов перед интересами отдельной личности. Восточному типу цивилизации свойственны коллективизм, солидарность, а западному – индивидуализм, автономия, рациональность. Соответственно, восточному типу цивилизации всегда были присущи – любовь, дружба, братство, доброта. В то же время западной цивилизации – эгоизм, выгода, стяжательство, жадность» [6, с. 133].

На приведенные воззрения В.В. Дорошкова обратил внимание профессор А.А. Тарасов, оставивший эту авторскую позицию без комментариев и озадачившийся «другими вопросами» [7, с. 161]. Возьмем на себя труд коротко ее прокомментировать.

Правильность выводов В.В. Дорошкова с очевидностью подтверждается нашим всеобъемлющим «разворотом на Восток», инициированным руководством страны. Ориентация на вышеприведенные нравственные приоритеты нашла отражение в государственных решениях на уровне Конституции РФ и ряда федеральных законов (например, «Об образо-

вании в Российской Федерации»), где сегодня зафиксированы идеологические смыслы и приоритеты, исторически и ментально свойственные России и ее гражданам. Не следует к тому же забывать, что мы, россияне, «евразийцы», а это прямо влияет на существо нашего менталитета и психотипа. То есть мы готовы принять не противоречащие нашим вековым убеждениям смыслы как из Европы, так и от стран Средней Азии и Востока.

Приведенные оценки имеют прямое отношение к уголовно-процессуальной идеологии, которая определяет приоритеты системы целеполагания в уголовном судопроизводстве.

Ошибочные установки разработчиков Концепции судебной реформы в Российской Федерации (см. об этом: [2]) породили искаженные приоритеты целеполагания современного уголовного судопроизводства, воплощенные в действующем УПК РФ.

О несовершенстве содержания ст. 6 УПК РФ, отражающей «современное видение» государственных задач в сфере деятельности органов уголовной юстиции, не писал в последние 25 лет только ленивый. обстоятельный анализ этой проблемы проведен профессором Л.В. Головкой, который обоснованно считает значительно более точной формулировку ст. 2 УПК РСФСР, содержащую адекватный перечень конкретных задач уголовного судопроизводства [8].

Если «вычистить» из содержания ст. 2 УПК РСФСР «идеологические передержки» типа «социалистическое правосознание» и т. п., то в конечном счете вполне допустимо воспроизвести традиционные задачи уголовного процесса в УПК РФ. К тому же в ст. 6 УПК РФ, поименованной «Назначение уголовного судопроизводства», неверно расставлены приоритеты. Вместе с тем в ней отсутствует целый ряд задач, ежедневно выполняемых представителями государства в этой области правоохранительной деятельности.

Начнем с того, что в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ равнозначными задачами объявлены защита потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Несоразмерность этих задач очевидна. С учетом наличия в УПК РФ ст. 11, посвященной обязанности властных участников уголовного процесса охранять права и свободы человека и гражданина, включая по-

дозреваемых и обвиняемых, упоминание о последних в ст. 6 УПК РФ избыточно. Приоритет должен быть отдан защите потерпевших от преступлений, как правильно отмечает профессор Е.А. Зайцева [8, с. 191–192].

Что же касается реальных задач, выполняемых сегодня в ежедневном режиме органом дознания, следователем, то совершенно непонятно, почему из их перечня исчезли задачи «быстрого и полного раскрытия преступлений, их предупреждения, воспитания граждан в духе неуклонного исполнения законов»? К двум последним имеет, кстати, прямое отношение суд (судья), рассматривающий и разрешающий уголовное дело, как правило, в условиях гласности, в присутствии представителей граждан, наблюдающих за тем, как не надо себя вести, чтобы не оказаться на скамье подсудимых. Что же касается задач пресечения и предупреждения преступлений, то сегодня они начинают выполняться органами досудебного производства уже с момента подачи заявления или иного сигнала о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела.

Отдельной оценки заслуживает целесообразность воссоздания в тексте УПК РФ задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, над выполнением которой продолжают работать следователь, дознаватель с привлечением соответствующих представителей правоохранительных органов. На этой задаче остановимся подробно.

Реальная деятельность по раскрытию преступлений отнюдь не является «уделом спецслужб», как это пытаются представить отдельные апологеты концепции «доминирования процедуры» в уголовном судопроизводстве. Это вульгарный подход, имеющий целью «затащить» наш уголовный процесс в русло чуждой нам англосаксонской исторической формы. Аргументация его сторонников дезавуируется обращением к государственной статистической отчетности в сфере правоохраны, где определены критерии, по которым у нас считается раскрытым конкретное преступление. Их суть в том, что, по общему правилу, в соответствующих информационных центрах УВД – МВД субъектов Российской Федерации ставятся на учет как раскрытые преступления, по которым *расследование окончено*, составлено обвинительное заключение (обвинительный акт, постановление), утвержденное прокурором, и дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Работники оперативных служб российских правоохранительных ведомств могут обладать ценной информацией об участниках и обстоятельствах совершения преступления, которая, не будучи реализована следователем (дознавателем) в рамках уголовного дела и не трансформирована в полноценные судебные доказательства, не позволит с официальных позиций считать раскрытым конкретное преступление. То есть сегодня (как, впрочем, и вчера) преступления продолжают раскрывать следователи (дознаватели) во взаимодействии с работниками оперативных служб, и вывод об их раскрытии имеет в основании исключительно судебные доказательства, изложенные в описательно-мотивировочной части итогового документа по уголовному делу.

Это означает, что ст. 6 УПК РФ, посвященная назначению уголовного судопроизводства, должна быть приведена в соответствие с реалиями – в ней необходимо воссоздать вышеприведенные задачи. Кроме того, с учетом социального назначения уголовного судопроизводства в ней должны быть отражены задачи не только защиты потерпевших от преступлений (что само по себе абсолютно правильно), но и потребности защиты государственных и общественных интересов, которые однозначно нарушаются любым преступлением. В этой связи прав профессор Л.В. Головкин, констатирующий публично-правовой характер уголовного судопроизводства, в социальном и правовом смыслах стоящего на страже *публичных интересов* [5, с. 55].

ПУБЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Утверждение, вынесенное в название этой части статьи, совершенно закономерно, хотя осведомленный читатель отметит его диссонанс с содержанием современной системы принципов уголовного процесса России. Действительно, в гл. 2 УПК РФ, посвященной принципам уголовного судопроизводства, пока не нашлось места данному основополагающему началу организации деятельности властных субъектов производства по уголовному делу.

Однако изложенная в гл. 2 УПК РФ система принципов не идеальна. Более того, она имеет тенденцию к расширению. Так, изначально система принципов состояла из тринадцати позиций (ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства»).

производства» попала в гл. 2 УПК РФ по недоразумению), затем законодатель «довел» количество принципов уголовного процесса до пятнадцати. В систему были включены ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» и ст. 8.1 «Независимость судей».

Отсутствие публичности в системе принципов современного уголовного судопроизводства объясняется позицией разработчиков УПК РФ, посчитавших избыточным влияние государства в данной сфере и полагавших, что правильно (по стандартам) организованная процедура расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел сама по себе способна в итоге привести к достижению государственных задач в этой области. Очевидно поэтому публичность, исторически составлявшая (и составляющая) фундаментальную основу самореализации всех (включая властных) участников уголовного процесса, была «развенчана» из ранга принципов и трансформирована в уголовно-процессуальную функцию. В частности, ей нашлось место в гл. 3 УПК РФ «Уголовное преследование» в виде классической формулы, изложенной в ст. 21 «Обязанность осуществления уголовного преследования»: «Уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет прокурор, а также следователь и дознаватель. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

Как известно, уголовное преследование лиц, совершивших преступление, является квинтэссенцией функции обвинения. Абсолютное большинство уголовных дел в России – это дела публичного обвинения, поэтому ошибочна констатация «баланса публичных и частных начал» в современном уголовном процессе. Здесь исторически сложился дисбаланс, доминантой которого является публичная обязанность представителей государства, изложенная в ст. 21 УПК РФ [9].

В этой связи вряд ли можно согласиться с предложением о признании баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса [10]. Скорее наоборот, с учетом ее доминирования надлежит формально восстановить публич-

ность в ранге принципа уголовного процесса. На этом настаивают авторы большинства учебников (в том числе новейших) по уголовному процессу, однозначно включающие данное положение в систему его основополагающих начал [11; 12; 13; 14].

В обсуждаемом контексте в высшей степени оригинально обстоятельное обоснование принадлежности публичности именно принципам уголовного процесса, предлагаемое профессором Л.В. Головки, который выявил и исследовал закономерность, состоящую в том, что публичность и диспозитивность в уголовном процессе – антиподы. Они находятся в обратном пропорциональной зависимости. То есть чем более публичен соответствующий вид процесса, тем он менее диспозитивен, и наоборот [5, с. 283].

Исходя из публично-правового характера отечественного уголовного процесса, в нем доминирует обязанность специальных государственных органов реагировать на преступления путем возбуждения уголовных дел, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных. Согласимся с профессором Л.В. Головки и в том, что данный принцип для российского уголовного судопроизводства имеет системообразующий характер, во многом определяет состав и содержание остальных основополагающих его начал. При этом исключения из принципа публичности локальны, они не ставят под сомнение его фундаментальность [5, с. 280–281, 284].

Отметим, что отдельные авторы учебников по уголовному процессу, наряду с публичностью, относят к принципам уголовного процесса и диспозитивность [13, с. 60–64], что, исходя из соотношения данных постулатов (в формате дисбаланса), вряд ли оправданно.

Профессора А.А. Давлетов и Н.В. Азарёнок провели блестящий анализ причин очевидного краха попытки известной части представителей российского юридического сообщества «развернуть» отечественный уголовный процесс в сторону его англосаксонских аналогов [10; 15]. Опора на выявленные и систематизированные авторами исторические, философские, ментальные основы российского уголовного процесса неизбежно диктует вывод о необходимости укрепления государственного влияния в сфере деятельности органов уголовной юстиции, что возможно через усиление публичных начал и возвращение од-

ноименному положению статуса принципа уголовного процесса, а отнюдь не путем дополнения системы принципов сомнительным положением о балансе публичных и частных интересов [10, с. 38–39].

Несмотря на все усилия сторонников западного вектора развития нашего уголовного судопроизводства, оно продолжает носить публично-правовой характер, где доминирует именно публичный интерес, утверждая нашу историческую принадлежность континентальной системе права. Это требует легализации публичности в системе принципов уголовного судопроизводства.

ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Доказательственная деятельность участников уголовного процесса в конечном счете является тем «локомотивом», который обеспечивает движение производства по делу к его финальной части, связанной с принятием и реализацией итоговых решений. Стержневое значение доказывания определяется непреложным правилом, в соответствии с которым все главные выводы (и соответствующие решения) должны быть основаны исключительно на достаточной совокупности судебных доказательств. Неслучайно именно с принятием УПК РФ произошли существенные изменения, по сути, диссонирующие с канонами, устоявшимися с момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, из текста Кодекса исчезло упоминание об истине как цели доказывания, из системы принципов (им сегодня посвящена самостоятельная глава) изъято обращенное к властным участникам требование о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в совокупности, внесены существенные изменения в правила оценки доказательств, а также признания их недопустимыми и т. д. Причем целый ряд отмеченных новшеств является прямым отступлением от предписаний, классических для нашего уголовного процесса, закрепленных в Уставе уголовного судопроизводства.

Например, как было отмечено, из текста УПК РФ изъято упоминание об истине как цели доказывания по уголовному делу. Этому вопросу была посвящена весьма содержательная

научная дискуссия, организованная профессором А.Г. Волеводзом на страницах периодического издания «Библиотека криминалиста». В ходе обсуждения данной проблемы большинство участников положительно оценили законопроект Следственного комитета РФ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». Аргументы противников реализации данного законопроекта свелись «к рискам возвращения к инквизиции» и стремлениям к «сближению уголовного процесса России с международными стандартами». Здесь полезно вспомнить наше многолетнее сотрудничество с формирующим эти самые «стандарты» Европейским судом по правам человека, наконец-то закончившееся, к радости здоровой части юридического сообщества России.

Инициатива Следственного комитета РФ, по мнению профессора Л.В. Головки, явилась естественной реакцией на откровенный провал наивных и совершенно некомпетентных попыток совместить несовместимое – англо-американскую идеологию и континентальную процессуальную инфраструктуру [16, с. 23]. Что касается инфраструктуры российского уголовного судопроизводства, то здесь на протяжении всей истории его становления и развития «объективная истина выполняет системообразующую роль *главного фактора формирования национальной модели уголовного процесса* (выделено нами. – В. А.). Объективная истина: а) детерминирует двухэтапное построение уголовного процесса с разделением досудебного и судебного производств; б) обуславливает в досудебных стадиях определенное преимущество публичного интереса перед частным (гандикап), необходимый для эффективного раскрытия и расследования преступлений; в) приобретает в судебном производстве в условиях равноправного состязания сторон обвинения и защиты при активной роли суда наиболее полные возможности реализации» [15, с. 107].

Действительно, несмотря на «освобождение» председательствующего при рассмотрении уголовного дела по существу от обязанности установления истины (см. в сравнении со ст. 243 УПК РСФСР и ст. 243 УПК РФ), законодатель сохранил традиционные требования

к судебному приговору. В его описательно-мотивировочной части должны подтверждаться достаточными доказательствами все элементы предмета доказывания: время, место, способ совершения преступления, виновность обвиняемого и т. д. Но ведь очевидно, что при их достоверном установлении речь идет об обнаружении материальной истины, то есть событий, реально имевших место в действительности.

Отдельного внимания заслуживают метаморфозы, произошедшие с лингвистическим выражением принципа свободы оценки доказательств. Здесь претерпели существенные изменения основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств. В ст. 71 УПК РСФСР таким фундаментом служила опора на «всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела в совокупности», а в соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ внутреннее убеждение судьи, следователя, прокурора, дознавателя при оценке доказательств должно формироваться на основе «совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств».

На тавтологичность, допущенную законодателем при лексическом выражении основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки, мы обращали внимание и ранее [9, с. 14]. Причем истоки правильного понимания основы формирования внутреннего убеждения заложены Уставом уголовного судопроизводства. И, как правильно указывает профессор Л.В. Головкин («докопавшийся» до первоисточников), именно конкретные «обстоятельства», исследованные и обсужденные в своей совокупности, формировали (и продолжают формировать) внутреннее убеждение судьи, следователя, присяжных заседателей о силе, значении доказательств, виновности обвиняемого и т. д. [17, с. 54–55].

Действительно, произвольная замена в законе основы формирования внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств дезориентирует судью, следователя, прокурора. Здесь также требуется воссоздание исторической, апробированной практикой и наиболее адекватной формулировки. Иное приводит к попыткам обоснования целесообразности фактической замены принципа свободной оценки доказательств некими «стандартами доказывания», возможно, допустимыми, но

лишь в гражданском, арбитражном, а не в уголовном процессе [18].

Отдельного рассмотрения требует внедрение в законодательство и практику деятельности органов уголовной юстиции правила о недопустимых доказательствах. Впервые в России оно было закреплено в решениях нашего парламента, ратифицировавшего Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Этот документ в 1993 г. практически целиком был имплементирован в качестве самостоятельного раздела в Конституцию РФ.

Затем правило о негодных доказательствах вместе с нормами о суде присяжных попало в ст. 69 УПК РСФСР. Причем формула ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР практически повторяла его изложение в Основном законе страны. То есть доказательства, полученные с нарушением установленного законом порядка, признаются юридически ничтожными.

Появление этого правила благотворно повлияло на следственную и судебную практику, поскольку заставило (в первую очередь следователя, дознавателя) строже выдерживать требования закона о соблюдении процедуры собирания доказательств. Однако с принятием УПК РФ законодатель посвятил данному установлению самостоятельную статью, ряд положений которой прямо противоречит принципу свободной оценки доказательств.

В частности, ст. 75 УПК РФ, посвященная недопустимым доказательствам, к последним безоговорочно отнесла показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, «не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде». Это положение прямо предусматривает юридическую ничтожность конкретного доказательства, которое в ч. 2 ст. 74 УПК РФ утверждается как изначально абсолютно равное иным перечисленным в ней доказательствам.

Таким образом, установленная в ст. 75 УПК РФ «заведомая ничтожность» конкретного доказательства в известных обстоятельствах должна «принести в жертву» содержание принципа свободной оценки доказательств, в соответствии с которым «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (а значит, и «слабости», то есть ничтожности). Конечно, при условии, что при допросе

подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве были соблюдены все элементы порядка получения от него показаний (чаще всего – самоизобличающих). Судья по результатам судебного следствия вполне может убедиться в достоверности именно прежних показаний подсудимого и лживости новых, полученных от него в суде. Первые могут подтверждаться всеми иными исследованными в суде доказательствами. И тем не менее по формальным основаниям, вопреки сложившемуся внутреннему убеждению, судья должен признать их недопустимыми и отвергнуть. Здесь конкретная норма Особенной части закона прямо противоречит принципу уголовного процесса, что делает бесосновательным ее применение.

В ст. 75 УПК РФ имеются и другие сомнительные предписания (см. п. 2.1, 2.2, 2.3) конъюнктивного свойства, внедренные в текст Кодекса с учетом своеобразного понимания адвокатской тайны или обязанностей по декларированию гражданами активов и счетов (вкладов) в банках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Укрепление национальной идентичности уголовного процесса России требует восстановления ряда классических, исторически присутствующих нашему судопроизводству подходов:

1) необходимо с учетом сегодняшних реалий и с опорой на исторический опыт адекватно расставить в законе приоритеты уголовно-процессуальной политики, начиная с ее идеологических основ и завершая буквальным изложением действительных государственных задач в сфере деятельности органов уголовной юстиции;

2) надлежит расширить систему принципов уголовного процесса, в том числе за счет возвращения ранга публичности («официальности») деятельности представителей государства в уголовном процессе;

3) в УПК РФ следует устранить отмеченные выше противоречия и допущенные ошибки, связанные с доказательственной деятельностью участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаров В.А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального законодательства России / В.А. Азаров // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 33. – С. 49–59.
2. Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология / В.А. Азаров // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3 (53). – С. 4–8.
3. Азаров В.А. Современные проблемы уголовно-процессуальной идеологии России / В.А. Азаров // *Legalitas*. – 2024. – № 1. – С. 6–19.
4. Лупинская П.А. Реформа уголовного правосудия и ее влияние на развитие юридического образования / П.А. Лупинская // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина. – Москва : Юрист, 2006. – С. 102–106.
5. Головкин Л.В. Основные модели уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная карта мира / Л.В. Головкин // Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. – Москва : Статут, 2016. – 1276 с.
6. Дорошков В.В. Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма : монография / В.В. Дорошков. – Москва : Прометей, 2023. – 326 с.

REFERENCES

1. Azarov V.A. Destructive Factors of the Strategy for the Development of Criminal Procedure Legislation in Russia. *Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 33, pp. 49–59. (In Russian).
2. Azarov V.A. Criminal Procedure Ideology and Its Corresponding Phraseology. *Bulletin of Orenburg State University*, 2006, no. 3 (53), pp. 4–8. (In Russian).
3. Azarov V.A. Modern Problems of the Criminal Procedural Ideology of Russia. *Legalitas*, 2024, no. 1, pp. 6–19. (In Russian).
4. Lupinskaya P.A. Criminal Justice Reform and Its Impact on the Development of Legal Education. In Mizulina E.B., Pligin V.N. (eds.). *Lessons of Criminal Justice Reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group for Monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Fifth Anniversary of its Adoption and Entry into Force)*. Collection of Articles and Materials. Moscow, Yurist Publ., 2006, pp. 102–106. (In Russian).
5. Golovko L.V. Basic Models of Criminal Procedure and the Modern Criminal Procedure Map of the World. In Golovko L.V. (ed.). *Course of Criminal Procedure*. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
6. Doroshkov V.V. Criminal Justice in the Context of Metamodernism and Moderate Conservatism. Moscow, Prometheus Publ., 2023. 326 p.

7. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163.
8. Зайцева Е.А. Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения: обеспечение разумного баланса? // Е.А. Зайцева // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева / под ред. Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. – С. 188–195.
9. Азаров В.А. Существует ли (и должен ли существовать) баланс публичного и частного начал в уголовном процессе России? / В.А. Азаров // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 8–17.
10. Давлетов А.А. Методологические предпосылки признания баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 32–39.
11. Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А.П. Кругликов. – Москва : Проспект, 2009. – 736 с.
12. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. – 445 с.
13. Уголовный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. – Москва : Норма: ИНФРА – М, 2015. – 688 с.
14. Зуев С.В. Уголовный процесс : учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – Москва: Норма: ИНФРА – М, 2025. – 688 с.
15. Давлетов А.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2023. – 504 с.
16. Головки Л.В. Истина в уголовном процессе. Событие. Комментарии экспертов / Л.В. Головки // Закон. – 2012. – № 6. – С. 23–24.
17. Головки Л.В. Положения о доказательствах и доказывании / Л.В. Головки // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов : в 2 т. Т. II. Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Юстицинформ, 2014. – С. 49–56.
18. Машовец А.О. Внутреннее убеждение или стандарт доказывания? / А.О. Машовец // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 104–109.
7. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian).
8. Zaitseva E.A. Public and Private Interests of the Prosecution Participants: Ensuring a Reasonable Balance? In Stoyko N.G. (ed.). *Prosecution and Defense in Criminal Cases: Historical Experience and Modernity. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev*. Saint Petersburg, Legal Center Publ., 2015, pp. 188–195. (In Russian).
9. Azarov V.A. Does It Exist (and Should It Exist) a Balance of Public and Private Principles in Russian Criminal Proceedings? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 8–17. (In Russian).
10. Davletov A.A., Azarenok N.V. Methodological Prerequisites for Recognising the Balance of Public and Private Interests as a Principle of Modern Russian Criminal Procedure. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 32–39. (In Russian).
11. Kruglikov A.P. (ed.). *Criminal Procedure of the Russian Federation*. Moscow, Prospect Publ., 2009. 736 p.
12. Andreeva O.I., Nazarov A.D., Stoyko N.G., Tuzov A.G. (eds.). *Criminal Procedure*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2015. 445 p.
13. Kruglikov A.P. (ed.). *Criminal Procedure*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2015. 688 p.
14. Zuev S.V., Sutyagin K.I. *Criminal Procedure*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2025. 688 p.
15. Davletov A.A., Azarenok N.V. *Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development*. Ural State Law University Publ., 2023. 504 p.
16. Golovko L.V. Truth in Criminal Procedure. Event. Expert Comments. *Law*, 2012, no. 6, pp. 23–24. (In Russian).
17. Golovko L.V. Provisions on Evidence and Proof. In Golovko L.V. (ed.). *The Great Reform: on the 150th Anniversary of Judicial Statutes*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014, vol. II, pp. 49–56. (In Russian).
18. Mashovets A.O. Internal Conviction or the Standard of Proof? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 104–109. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarov Vladimir Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 22.12.2025. The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.